

Проводив капитана, Бай Го повернулся к остальным:

— Уже поздно. Если промедлим, стемнеет окончательно. Давайте поскорее перенесём вещи и припасы в дом.

— Прямо сейчас? — недовольно проворчал Чэнь Чуань. — Мы весь день на ногах. Сначала эта дурацкая «квест-комната», потом закупки, бесконечные погрузки-разгрузки... Хоть минута отдыха у нас будет? Теперь ещё и на острове пахать прикажешь?

— Как только солнце скроется за горизонтом, здесь станет хоть глаз выколи. Или ты предпочитаешь таскать багаж на ощупь? — юноша даже не взглянул на него, продолжая сосредоточенно пересчитывать вещи.

Актёр и до этого недолюбливал юношу, а теперь, видя, как тот смеет его игнорировать и даже пререкаться, и вовсе помрачнел. Его лицо стало чернее дна обгоревшего котла.

Чэнь Чуань пробормотал себе под нос так тихо, что Бай Го ничего не услышал:

— Всего-то мелкий заводила, а гонору — будто пуп земли. Тьфу, выскочка.

Однако Сун Цзинцэ, стоявший вплотную к нему, уловил каждое слово. Киноимператор на мгновение прищурился, глядя на ворчуна, а затем, словно что-то задумав, молча присел и принялся распределять вещи.

— Ты что делаешь? — Бай Го вздрогнул от неожиданности.

Мужчина споро разделил багаж на четыре части. На первый взгляд казалось, что он просто набросал кучи, но присмотревшись, можно было заметить: доли были далеко не равными.

Указав на небольшую тележку и грудку пакетов, Сун Цзинцэ обратился к женщинам:

— Эту часть я доверю нашим дамам. Вещей много, они мелкие и требуют аккуратности, так что, пожалуйста, присмотрите за ними.

Сунь Иданы, Цзян Цюнин и Сюй Юань с радостью согласились. Даже если не брать в расчёт личное обаяние говорящего, такое распределение их более чем устраивало. Хотя пакетов было много, в них лежала всякая мелочёвка из «Двухьюаневого магазина». Весили они мало, их можно было нести в руках без особых усилий, а для самого громоздкого имелась тележка.

Затем Сун Цзинцэ указал на три картонные коробки, доверху набитые инструментами, которые Бай Го и Сюй Юань набрали в хозяйственном магазине.

— Ду Фаньюй, осилишь?

— Конечно! — Ду Фаньюй с готовностью выпятил грудь. — Положись на меня!

Для него это было не просто поручение, а приказ кумира. Ради такого он был готов нести эти коробки, даже если бы зубы крошились от веса!

На мостках остались лишь две кучи. Одна представляла собой внушительный ряд из двадцати с лишним чемоданов, каждый высотой почти по пояс. Другая выглядела скромно: всего две коробки, на которых сверху лежало по чёрному пластиковому пакету.

Сун Цзинцэ с вежливой улыбкой посмотрел на Чэнь Чуаня:

— Как нашему старшему, я предоставляю вам право выбора первым.

Тот, не раздумывая, ткнул пальцем в маленькую кучку из коробок и пакетов. При этом актёр напустил на себя вид благородного мученика:

— Так и быть, это возьму я. Вещи тут важные, хрупкие — не могу же я доверить их вам, молодым да горячим. Ещё испортите чего доброго.

Киноимператор не стал возражать. Он лишь повернулся к Бай Го и мягко, почти ласково улыбнулся:

— Значит, на нас чемоданы?

Юноша на мгновение замер, а затем кивнул. Против такого распределения он ничего не имел — он уже перетаскивал этот багаж в отеле и знал, что, несмотря на количество, катить их по ровной поверхности было совсем не трудно.

Но почему Киноимператор сам вызвался к нему в напарники?

Интуиция подсказывала Бай Го, что здесь кроется какой-то подвох, но, не имея доказательств, он нашёл лишь одно объяснение.

«Этот тип хочет выставить себя перед камерами трудолюбивым и ответственным. Какой же он расчётливый!»

Можно сказать, что ночные бдения за чтением фанфиков не оставили в сердце маленького фаната ни капли доверия к своему «кумиру».

— Погодите, вы двое собираетесь таскать чемоданы вместе? — возмутился Чэнь Чуань. — Почему никто не идёт со мной?

Прежде чем Бай Го успел ответить, Сун Цзинцэ изумлённо вскинул брови:

— Но тут же всего две коробки... Я полагал, что взрослому здоровому мужчине помощь в таком деле не требуется. Или вы, Чуань-гэ, не в состоянии...

Он не закончил фразу, лишь сочувственно окинул собеседника взглядом с головы до ног. Этот взгляд говорил яснее всяких слов: «Всё понятно, мы всё понимаем, годы берут своё».

— Да всё у меня в порядке со здоровьем! — взревел Чэнь Чуань, мгновенно вспыхнув, как спелая хурма.

Заметив, что остальные смотрят на него с жалостью, а Сунь Идани и вовсе вглядывается в его лицо с тревогой, он окончательно завёлся:

— Я всё сам донесу! Я просто спросил, ясно вам?

Киноимператор, однако, не спешил выходить из образа заботливого коллеги:

— Да ничего страшного, если хотите поменяться — только скажите. Подождите секунду, я сейчас обсужу с Сяо Го, кто из нас пойдёт вам помогать.

Чэнь Чуань невольно бросил взгляд на бесконечный ряд 28-дюймовых чемоданов, выстроившихся аккуратными рядами от самого начала мостков до самого берега.

— ...Ладно, оставим как есть.

Четыре места против двадцати с лишним? Он не был идиотом.

— Точно не передумаете? — уточнил Сун Цзинцэ.

— Не передумаю! — отрезал актёр, процедив слова сквозь зубы. — Мне ваша помощь не нужна.

Собеседник разочарованно вздохнул:

— Что ж, как скажете. — Он обернулся к Бай Го с лучезарной улыбкой. — Тогда начнём и мы.

Видя, что все принялись за работу, Чэнь Чуань не спешил двигаться с места. Он вальяжно уселся на одну из своих коробок, закинув ногу на ногу, чтобы немного передохнуть. «У меня под рукой всего четыре предмета, обернись за два захода», — рассуждал он.

Изначально он планировал припахать кого-нибудь из младших, придавив авторитетом, чтобы самому сидеть и наблюдать. Но не успел он и рта раскрыть, как Сун Цзинцэ парой фраз заткнул его и загнал в ловушку.

При мысли об этом мужчина злобно посмотрел вслед Бай Го и Киноимператору, катившим чемоданы к дому. Почему-то оба казались ему «крепкими орешками», которые намеренно вставляют ему палки в колёса...

Он долго сверлил их спины тяжёлым взглядом, пока не начало темнеть. Когда на пристани остался только он и оператор, последний не выдержал:

— Учитель Чэнь, нам пора заносить вещи.

Чэнь Чуань холодно фыркнул, нехотя поднялся и лениво нагнулся к коробке. Он напряг руки, готовясь одним рывком поднять её...

— Кхм! — из его горла вырвался натужный хрип, но коробка даже не шелохнулась.

Актёр опешил. Решив, что просто не рассчитал силы, он напряжился и дёрнул снова.

— У-ух! — горло сдавило ещё сильнее, вены на лбу вздулись, но проклятый ящик словно прирос к доскам!

Услышав приглушённый смешок оператора, Чэнь Чуань, сгорая от стыда и ярости, сорвал скотч с коробки.

— Какого чёрта?! Что это?!

В центре коробки рядом лежали четыре арбуза, каждый диаметром больше таза, а в пустоты между ними были плотно набиты кокосы и яблоки величиной с кулак.

Мужчина застыл. Разве он выбирал арбузы?

Он лихорадочно зарылся в воспоминания. На рынке он просто небрежно тыкал пальцем во всё, что хотел съесть сам или чем хотел угостить Сунь Иданы. Он не прикасался к продуктам, не

знал их веса — всё упаковывал торговец и отвозил на пристань. Он даже не заглядывал внутрь ящиков.

Не веря своим глазам, он вскрыл вторую коробку и пакеты. Тыквы, восковые тыквы, редька... и вишенка на торте — огромный дуриан, который был едва ли не больше его собственной головы!

Общим у всех этих «хрупких и важных вещей» было одно — они были чертовски тяжёлыми.

Чэнь Чуань стоял как громом поражённый. Он-то думал, что Сун Цзинцэ из уважения к его стажу выделил ему самую лёгкую ношу, а оказалось, что весь этот груз — сплошная западня!

Гнев волной захлестнул его, кровь ударила в голову, а в глазах вспыхнул недобрый огонь. Бросив нераспакованные вещи, он тяжёлым шагом направился к дому.

Ворвавшись в гостиную — пусто. На кухне — ни души. Во внутреннем дворике — тоже никого.

— Да где вы все?! — проорал он.

Обыскав весь дом, он не нашёл ни людей, ни даже тележки. Единственное, чего он добился — облился потом от усталости и беготни.

Поддавшись на уговоры оператора, Чэнь Чуань был вынужден вернуться на мостки. Один за другим, рейс за рейсом, он перетаскивал фрукты и овощи в дом. Когда он, едва дыша, опустил на пол последний дуриан, из подвала с весёлым смехом поднялась вся компания.

Актёр, чей вид сейчас напоминал утопленника, уставился на Сун Цзинцэ. Его голос сорвался на хрип:

— Ты это специально?

Собеседник лишь пожал плечами, делая вид, что не понимает, о чём речь.

— Ты намеренно подсунул мне всё самое тяжёлое! — прошипел мужчина сквозь зубы.

Однако Киноимператор лишь невинно покачал головой:

— Вы шутите, Чуань-гэ? Меня ведь не было на рынке, когда вы делали закупки. Откуда мне знать, что лежало в тех коробках?

Он мельком взглянул на гору овощей и фруктов на полу. Его голос звучал ровно, но выражение лица выдавало глубокое удовлетворение.

— К тому же, если мне не изменяет память, вы сами изъявили желание нести именно коробки. Вы ещё подчеркнули, что там важные вещи и наша помощь вам не требуется.

Он намеренно выделил слова «сами», «важные» и «не требуется», словно вбивая гвозди в крышку гроба самолюбия Чэнь Чуаня.

Мужчина осёкся. Он кожей чувствовал, что его облапошили, но не мог найти ни единого зацепа, чтобы высказать претензию.

<http://bllate.org/book/15872/1442378>